УДК 81:32+378;82.001

ББК 81.0+74.58+66

Г94

Рецензенты:

Норец М.В., доктор филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института иностранной филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Козлов М.Н., доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета

Печатается по решению оргкомитета III Международной научно-практической конференции «Гуманитарные чтения “Свободная стихия”» (Протокол № 2 от 27.08.2018)

Г94 **Гуманитарные чтения «Свободная стихия»** : материалы научно-практической конференции, Севастополь, 13–15 сентября 2018 года / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» ; под ред. Е.А. Барминой, О.А. Москаленко. – Севастополь : ФГАОУ ВО «СевГУ», 2018. – 392 с.

Сборник содержит материалы научно-практической конференции «Гуманитарные чтения “Свободная стихия”». Доклады, представленные участниками конференции, освещают исследования актуальных научных направлений, находящихся на стыке таких дисциплин, как лингвистика, литературоведение, лингводидактика, политические науки и регионоведение.

Сборник адресован специалистам-филологам, политологам, историкам, а также аспирантам и студентам.

УДК 81:32+378;82.001

ББК 81.0+74.58+66

© ФГАОУ ВО «СГУ», 2018

© Бармина Е. А., 2018

© Москаленко О. А., 2018

УДК 821.161.1

МОТИВ ОБУСТРОЙСТВА НА ЗЕМЛЕ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Хатямова Марина Альбертовна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы XX века, филологический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация, г. Томск
e-mail: khatyamovama@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется мотив переселения и обустройства на земле в произведениях представителей разных поколений эмигрантских писателей Н. Берберовой (роман «Последние и первые») и М. Осоргина (повесть «Вольный каменщик»), которые почвенническую идею духовного спасения на земле воплотили еще и житнетворчески.

Ключевые слова: литература первой волны русской эмиграции, творчество М. Осоргина, Н. Берберовой.

Abstract. The article examines the motive of relocation and resettlement on land in the works of representatives of different generations of immigrant writers N. Berberova (novel "Last and first") and Mikhail Osorgin (the story "Free Mason"), who embodied the idea of *pochvennichestvo* of spiritual salvation on earth in their creative work.

Keywords: White émigré literature, works of Mikhail Osorgin, works of Nina Berberova

Трагедию существования эмигранты первой волны видели в оторванности от родной земли. Одним из путей обустройства «тут-бытия» становится почвенническая в своей основе, идущая от славянофилов и Достоевского, идея духовного спасения на земле, воспринятая, однако, не религиозно. Представители разных поколений эмигрантских писателей – М.А. Осоргин и Н.Н. Берберова – каждый по-своему воплотили сюжет ассимиляции эмигрантского микрокосма в чужом макро-пространстве.

Знаменательно, что проблема обустройства на земле раньше была осмыслена в творчестве молодых писателей, стремившихся ассимилироваться во французском обществе. Для начинающей писательницы Нины Берберовой проблема приобретала социальный и поколенческий смысл. В 1928-1929 годах она публикует свой первый роман о жизни русских обывателей в Париже «Последние и первые», герои которого ищут ответа на главный вопрос: как жить в эмиграции? Прямая цитата из Евангелия от Матфея в названии (гл. 19, 20: «Многие же будут первые последними, и последние первыми <...> Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных») отсылает к переоценке ценностей в ситуации национально-исторической катастрофы. «Последние» – «промотавшиеся отцы», «первые» – дети как надежда эмиграции. Детективную остроту сюжету сообщает изображение деятельности целой организации по «ловле» и возвращению в Советскую Россию «заблудших». Именно этой «руке Москвы» пытаются

противостоять герои романа, обустроивающиеся на земле Прованса «здесь и сейчас», на конкретной пяди земли.

Берберова выстраивает свой миф о спасении «незамеченного поколения», основанный на сохранении культуры (фраза «Мы не в изгнании – мы в послании» принадлежала именно ей), опираясь на почвеннические идеи Ф.М. Достоевского. Несмотря на то, что в зрелый период писательница будет снисходительно относиться к влиянию русской классики на современную литературу (по ее ироничному определению, традициям «толстоевского»), начальный этап ее творчества отмечен несомненным влиянием Достоевского. Позднее в автобиографии «Курсив мой» она признавалась, что в пору работы над романом Достоевский «подавил» ее «вне всякой меры» [2, с. 437]. Берберовой близки его «последние вопросы» и умение исследовать жизнь человеческой души в критические, переломные моменты. Однако Апокалипсис как время радикальных изменений в судьбе России для ее персонажей – русских эмигрантов – уже свершился. Как герои Достоевского постоянно размышляют о «конце мира» и о вариантах спасения, так и персонажи писательницы-эмигрантки пытаются победить утопию возвращения в Россию обретением «воздушных корней» – сохранением национальной идентичности с помощью расселения русских беженцев на французской земле, укорененности на почве. «Пока мы не в России, место наше на земле», – говорит мать семейства Вера Кирилловна колеблющемуся Шайбину [1, с. 172]. Организатор переселения колонии русских из Парижа на землю Прованса Илья Горбатов говорит Шайбину: «...Объяснение надо искать в самой нашей русской породе. Здесь, вероятно, играет роль то, что земля – самая близкая нам стихия, что мы на земле всегда «у себя». Да, русским одно спасение от денационализации – это земля» [1, с. 236].

Национальное представление о сакральности земли воплощается в песнях нищего странника, совершающего свой путь с девочкой-сиротой между поселениями русских. В текст романа входит одна из песен, реально записанных в сентябре 1928 г. к западу от Мюрэ (о чем говорится в авторской сноске): «На чужбинушке не тоскуй, казак, // Не скучай, казак, по Расеюшке, // - Не тебе ль дана воля вольная, // Путь-дороженька поперек земли? // Путь-дороженьку исходи кругом, // Во страну приди во французскую. // Становися, дом, на крутой горе, // Обводись межой, поле малое! // На чужбинушке не горюй, казак, // По могиле отца-матери, // Укрепись, казак, во судьбе своей, // Во земле своей, заграничной» [1, с. 293-294]. Старик сопровождает исполнение песни наказом: «Песня эта ответ нам дает, ответ русским людям самый понятный, самый скромный. Держись, говорит она, держись, русский человек!..» [1, с. 161].

Странник благословляет брак русской девушки и французского юноши – фермера: «Тогда не страшно, Благословение Господне, земля одна» [1, с. 164]. Особая роль мифологического носителя национальной ментальности утверждается и логикой развития сюжета: роман начинается его приходом и завершается его повторным возвращением и смертью в семье Горбатовых,

которым он символически передает сироту. В концепции романа принципиально важным является и образ Анюты – странницы без дома, семьи и родины. Странничество и сиротство делают ее символом трагедии эмиграции: отрыв от корней, бездомность, постоянная борьба за выживание. В финале обретающая дом на земле и семью Горбатовых Анюта воплощает надежду на спасение в эмиграции.

В жанровом отношении роман Берберовой также отсылает к «идеологическому роману» Достоевского: герои – носители разных вариантов существования в эмиграции («сесть на землю» в провинции, погибать в Париже, вернуться на родину) – спорят о будущем и в результате нелегкого выбора объединяются вокруг своего героя идеолога Ильи Горбатова, проповедующего коллективный труд на земле, обустройство дома и создание семьи. Но как герой-идеолог он лишен индивидуального существования, а потому и личного счастья (отказ от любви Нюши), и не может состояться как цельный человек. Схематичность образа центрального героя, спроецированного на князя Мышкина (что подтверждает и его портрет), дает упрощенный взгляд на человека, но уравнивается женскими образами – Марьяны и Веры Кирилловны, обладающими цельностью и полнотой. Мудро приняв эмигрантскую реальность, они взялись осваивать и обустроить чужое пространство, воссоздавать в нем свой дом и мир. В возделывании и одомашнивании земли, в строительстве семьи они обретают свой путь.

Несмотря на подражательность и некоторые художественные несовершенства, осознаваемые и самой Берберовой, первый роман автора вызвал даже больший резонанс, чем ее известные повести. Видимо, это было обусловлено особой энергетикой самой идеи «сесть на землю», сообщающей произведению статус подлинного «человеческого документа», так необходимого эмигрантам. Через десять лет, став женой художника Макеева, Нина Берберова жизнотворчески воплотит идею переселения на землю: создаст свой дом из «маленькой старой фермы», в «диком» месте Прованса, где с 1938 по 1948 годы будет «сажать деревья», «возиться с пчелами», «окапывать клубнику», а в трудные военные годы – и сажать картошку [2, с. 470].

Принадлежавший по возрасту к старшему поколению эмигрантов М.А. Осоргин был «онтологической» личностью, носителем пантеистического мироощущения (почти во всех его произведениях, особенно в наиболее известном романе «Сивцев Вражек», человеческое бытие вписано в природный космос), поэтому обращение к идее обустройства на земле было для него глубоко закономерным и носило личный характер как выбор варианта индивидуального существования в пространстве эмиграции.

Под псевдонимом «Обитатель <земной поверхности>» в циклах рассказов «Огородные записки» и «Письма обитателя», вошедших позднее в книгу «Происшествия зеленого мира» (1938), как и в повести «Вольный каменщик» (1937), Осоргин создает свою онтологическую утопию существования в маленьком домике (считает, что «счастье и мудрость живут именно в келье под елью – горе и ум в больших домах» [4, с. 264] и реализует ее буквально:

поселяется в реальном домике под Парижем, в Сент-Женевьев де Буа, где со своей женой каждое лето возделывает сад и огород. Работа на земле становится способом сохранения духовного бытия, именно в символически русском месте Сент-Женевьев он пишет свои романы. Т.А. Бакунина-Осоргина позднее вспоминала: «Своими руками обработанная земля, выращенные из черенков розы, акация, развившаяся из тоненького стебелька в громадное дерево, – все это создавало свой особый мир, позволяло уходить от тягостей жизни в природу, заполняло пустоту и безнадежность, которая с годами чувствовалась все сильнее» [3, с. 7].

Тема поиска духовного существования в эмиграции находит свое развитие и в повести «Вольный каменщик» [5]. В основе фабулы (изображение жизни простого русского обывателя, ставшего в эмиграции масоном) лежит проблема сохранения национально-культурной идентичности, которая для эмигранта с тридцатилетним стажем, любящего «плыть против течения» (Г. Струве), стояла необычайно остро. Природное бытие автора и его героя отвечало и масонскому идеалу: чужак-огородник и библиофил обустроивал свое духовное бытие, «культурный дом» как альтернативу чуждой и разрушительной цивилизации. В ложе «Северная звезда» Осоргин неоднократно выступал по этому поводу: «...Познание природы есть открытие сущности вещей и их взаимоотношения, познание бытия. Никакой другой задачи не может быть у того, кто ищет истину, кто хочет определить свое место в природе, свое отношение ко всему живущему, потому что без этого он не может построить ни своей жизни, ни своего общества. Иной задачи нет ни у науки, ни у творчества, ею поглощается вся наша духовная работа» [4, с. 261].

Семантика имени главного героя Егора Егоровича Тетехина, превращающегося из заурядного французского клерка в творческую личность – масонского брата и сознательного «обитателя» природного мира, несет национальный культурный код. Дважды борцом со змеем (в себе и окружающем мире) призван быть рядовой русский обыватель, «тетеха». Повествователь, взявший на себя задачу написать повесть о «человеке со смешной фамилией и прекрасным сердцем», с первых страниц характеризует его как «срединного, ничем не выдающегося», но русского по интенсивности судьбы: «Из одного года его биографии, правильно нарезав, можно было бы создать десять – двадцать полновесных житий англичанина, француза и итальянца; для русского человека – это как раз на одного» [3, с. 17]. Сам Тетехин воспринимает братство по аналогии с национальной родственностью. Открывающиеся в результате обретенного братства лучшие свойства души героя – доброта, сострадательность, эмоциональная отзывчивость, любовь к людям и всему живому – воспринимаются окружающими как «чужаковатость», «комплекс русского». В масонском братстве герой надеется преодолеть свое одиночество эмигранта, чужеродность окружающей среды и (сначала неосознанно) семьи. Пытаясь проникнуть в тайный смысл масонских символов, он ищет аналогии им в русской культуре. В ситуацию нравственного выбора Тетехин попадает благодаря подлости одного из своих подчиненных и братьев

по ложе Анри Ришара, его полного антипода, которому в произведении уготована роль змея-искусителя жены, сына и самого Тетехина. С легкой руки Ришара, приведшего героя в масонскую ложу, рухнет вся его «профанная» жизнь: он останется без работы и без семьи. Именно в истории с Ришаром Егор Егорович впервые становится «нравственным змеборцем». Однако в ситуации этического выбора герой ведет себя не как масон, а как русский чудак: слишком рациональный совет брата Жакмена «прогнать негодяя» со службы не разрешает внутренней дилеммы Егора Егоровича, который не может доводами разума победить свою интеллигентскую природу, «обойтись без эманаций славянской души и без Теодор Достоевски». Имя Достоевского выступает здесь культурным штампом представлений европейцев о русской ментальности, но и объясняет дальнейший путь героя к природе, «почве».

Формирование жизненной философии героя – философии природокультуры – связано с познанием Природы как одной из главных заповедей масонства. Герой не только занимается садоводством (выращивает розы и акацию как культовые растения, символизирующие единство природы и культуры), но и возделывает свой духовный сад: впервые внимательно читает и переживает Библию, осмысливает легенду о Соломоне и Хираме. На природе герой постигает смысл легенды о Хираме как главной заповеди масонства о недостижимости истины, к которой следует стремиться. Но достигается это понимание не умозрительно, а в процессе единой природно-мыслительной деятельности, которая носит сознательно-бессознательный характер, поэтому прозрение приходит на границе сна и яви, когда размышления о вечном соседствуют с планированием повседневной огородной работы: «Вот сейчас, например, все-таки помнят, что такой Храм был, Храм Соломонов <...> “Я тебе построю Храм” – и веками и в веках... но сам-то не вечный. И действительно, все время разрушается! Пожалуй, уж часов одиннадцать, а в семь часов непременно образум встать и поливать грядки, грядку за грядкой, все грядки в порядке...» [3, с. 78].

Герой Осоргина стал Цинциннатом (название главы), счастливым человеком, познающим Природу. Экстатическая творческая радость, переживаемая героем, разделяется и усиливается автором-повествователем, готовым изменить создаваемый им сюжет в пользу воспевания Природы. Иронично-игровой тон уступает место страстно-публицистическому и возвышенно-поэтическому авторскому слову. Посвященному природой Егору Егоровичу открывается стройная взаимосвязанность и взаимообусловленность происходящего в природном мире, значимость и равновеликость жизни петуха, собаки, мошки.

Природа становится камертоном в углубляющемся расхождении Егора Егоровича с женой и сыном. Анна Пахомовна, мастерица составлять букеты из уже выращенных цветов, отпуску в загородном домике предпочитает модный курорт с сыном и Ришаром. По контрасту с трепетным и глубоким переживанием единения с природой Егора Егоровича изображается приезд на загородный пикник семьи во главе с Ришаром. Гости за неполный день

разрушают созданное природой и Егором Егоровичем. Напротив, отношения с профессором Панкратовым, которого Егор Егорович приглашением на дачу спасает от голодной смерти, только укрепляются. Несмотря на скепсис рационалиста, Лоллий Романович как биолог способен разделить с Тетехиным радость существования в природе. Их объединяет и символическая для культуры акация, и память о малой родине – казанских пихте, ели, березе. Милосердная душа Тетехина сполна вознаградится братским единением с земляком и новым другом.

С возвращением в цивилизацию, в «мир, совершенно чуждый Егору Егоровичу», – в Париж и семью – начинаются испытания героя: его ждет череда предательств, и его духовная мудрость и душевная стойкость подвергаются проверке. Конец профанной жизни героя, отграниченный болезнью, недельным нахождением между жизнью и смертью, и приведший к потере работы, семьи и места во французском обществе, становится одновременно его духовным взлетом: герой способен подняться над личной участью и воспринять собственные беды как знаки гибели культуры, человеческого братства. Он теряет всякую надежду найти работу – и жертвует свои последние сбережения в кассу «союза помощи»; принимает завет умирающего мастера, и «с этого момента духовный путь Егора Егоровича» определяется навсегда. Вера в собственные внутренние силы позволяет герою вступить в открытый и буквальный поединок со Змеем: Егор Егорович бьет Ришара, воплощающего в себе все зло мира, тростью (символическим мечом) по голове. Герой не без боли расстаётся с прежней привычной жизнью и удаляется в свой загородный домик с профессором Панкратовым.

В заключительной главе автор-повествователь поет настоящий гимн Природе и поэтизирует существование обретшего внутреннюю гармонию героя, используя прием замедленной кинематографической съемки: «И пока мирным сном спит вольный каменщик, рядом совершается великое таинство. Согретая за день влага земли растворяет соли кислот. Тонкий белый корешок, захлебываясь, сосет молоко матери и посылает вверх по каналам. От напряжения лопаются бутоны, развертывая и разглаживая мятые шелковые платочки, охорашивая усики и всяческую наводя красоту. Прилетевшая ночная бабочка пьет нектар и осыпает желтую пыльцу на жадный пестик. Суждено красоте умереть, обеспечив жизнь красоте новой. На земле, над землей, под землей снуют, летают и роются дети природы, окруженные ее заботами, ею созданные и ее создающие; *Natura naturans – Natura naturata*. Перед ее любовью дуб равноценен душистому колоску, и нет для ее ничтожного, обойденного ее вниманием, как нет ничего мертвого, в чем в самый момент смерти не зарождалась бы новая жизнь»; «Жизнью в природе, на дешевом маленьком участке земли (а мир так велик! а чудес в нем так много!) – заканчивается без всяких дальнейших событий лежащая перед нами повесть о вольном каменщике» [3, с. 213-214].

Литература

1. Берберова, Н.Н. Биянкурские праздники / Н.Н. Берберова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 349 с.
2. Берберова, Н.Н. Курсив мой. Автобиография / Н.Н. Берберова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 765 с.
3. Осоргин, М.М. Вольный каменщик / М.М. Осоргин. – М.: Московский рабочий, 1992. – 336 с.
4. Поликовская, Л.В. Жизнь Михаила Осоргина, или Строительство собственного храма / Л.В. Поликовская. – СПб: Книга; Победа, 2014. – 448 с.
5. Хатямова, М.А. Метатекстовая структура в романе М.А. Осоргина «Вольный каменщик» (1935) / М. А. Хатямова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 2. – С. 93–108.